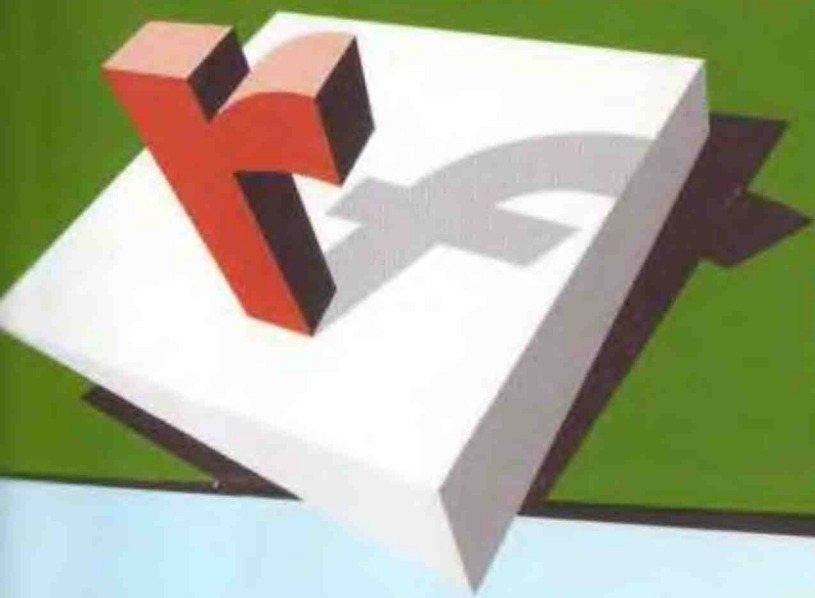
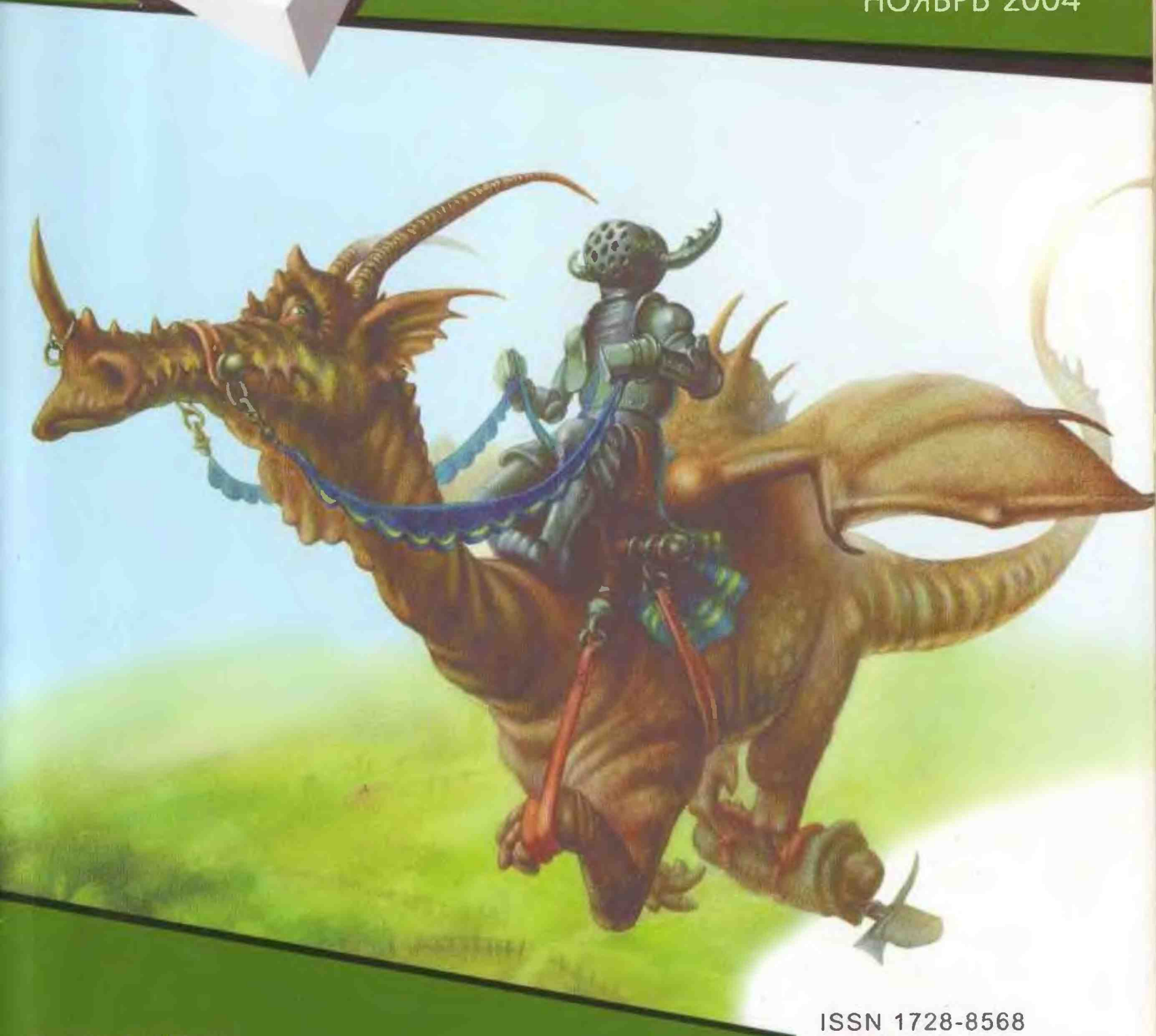

лучший фантастический журнал Европы 2004!

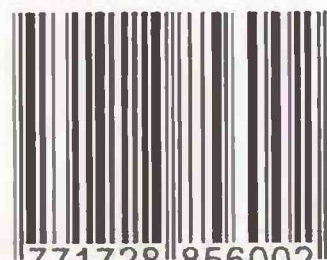
реальность фантастики

НОЯБРЬ 2004

ОЛЕГ ДИВОВ
ГЭРИ А. БРОНБЕК
КЛИФФОРД САЙМАК
ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ

ISSN 1728-8568

9 771728 856002

СОДЕРЖАНИЕ

№ 11 (15) НОЯБРЬ 2004

1. Редакционная статья	/ ВАШ ЛЮБИМЫЙ ЖУРНАЛ!		6
------------------------	-----------------------	-------	---

Критика, публицистика, обзоры

14. Григорий Панченко / РЕАЛЬНОСТЬ И ФАНТАСТИКА

Ваш любимый журнал!

...Если вы держите в руках и этот, вот уже пятнадцатый, номер «Реальности фантастики», значит, он действительно ваш любимый журнал! Мы существуем чуть более года, однако уже заслужили уважение и любовь наших читателей. То, что мы ста-

ОЛЬГА БЕЛОУСОВА

ЗА СТЕНОЙ

У меня снова начала болеть голова.

По крыше нудно барабанил дождь — погода проявляла характер. Вылезать из кровати не хотелось, но я с детства усвоила, что есть вещи, без которых ни один более-менее приличный день пройти просто не может. И расставание с одеялом непременно входит в их число.

— Лина, вставай. — позвала мама из кухни. Я сделала вид, что не слышу, хотя

— Утро доброе, моя красавица!

— Кому доброе, а кому и нет.

Он ухмыльнулся. Я схватила нож и принялась с остервенением крошить ни в чем не повинные стебли. Мама разлила по тарелкам жидкий суп.

— Осторожнее, Диночка, ты ведь не с заклятым врагом сражаешься, — заметил Серый. Я молча высыпала лук ему в суп, плюхнулась на свое место и уткнулась в тарелку.

- Дурная ты еще. Сержик — лучший из парней твоего поколения...
 - Чем же он лучше других?
 - Он неглуп и силен.
 - Веский аргумент!
 - Очень веский. Нам нужны дети. Здоровые дети.
- К здоровым Старшие относят тех, кто сам ходит и сам думает, а главное — мо-

Так что мать моя была не права. Просто о *таком* выборе как-то глупо говорить вслух.

— Если ты можешь дать общине детей, значит, дашь, — сказала мама, уловив мои мысли.

— А кому они здесь нужны, *мои* дети?

Ты не можешь знать, какие дети у тебя родятся.

— Ничего уже не изменишь.

— Так ли уж ничего?

— О чем ты говоришь?

Я потерла нос, сделала пару глотков из чашки и спросила, наконец, о том, что меня давно мучило:

— Скажи, а может так быть, что там, за лесом, есть люди... Такие, как я?

— Нет!

Ответ матери был резким, неизменным, жестким.

Лера рассмеялась. В глазах, рыжих, как пламя, блеснули задорные искорки.

— Диня, но ведь мошкары на болотах не бывает только в дождь.

Мошка, мелкая, вьедливая, невероятно кусачая, была нашим общим бедствием.

— Твоя правда, — вздохнула я, спускаясь с крыльца. Дождь усилился, и земля под ногами стала напоминать мерзкий кисель.

— Ну, мы же не за смертью идем!..

— Не знаю, не знаю...

ппеничному полю. На оставшемся пути нам встретилось чуть ли не полдеревни. Интересно, чего ради они на улицу лезут в такую погоду? Впрочем, похоже, дождь раздражал только меня одну.

— В обход или через танк? — спросила Машка, когда за нами захлопнулись ворота деревенской ограды.

— В обход, — сказала я. — Там чище

Самый крутой его комплимент.

— Я это уже слышала, и не однажды, Сержик.

Грязь под ногами, именуемая полем, наконец-то закончилась. Начинался лес. Почва стала привычно упругой. Серж теперь шел впереди. Я давно заметила, с какой легкостью наши сверстники уступают ему лидерство. Он прокладывал дорогу сквозь бурные заросли папоротника и крапивы. За ним гуськом стараясь не отстать.

Эдик медленно провел руками вдоль тела сестры. Он умел чувствовать и лечить чужую боль. «Цены нет такому соседу», — говорит мама. Это точно. Цены нет. Эдик был очень похож на Серого, недаром они друзья. Таких оценить просто невозможно.

Кстати, моя бабушка никогда у Эдика не лечилась, предпочитая собственные проверенные методы.

— В таком случае, вернемся к началу. Где мы? — повторила Лера.

— В Сердце болот, — ответил Серж очень тихо, но отчетливо, так, что мы услышали каждое слово.

Это был совершенно чужой лес, наполненный незнакомыми запахами, звуками, красками. Особенно красками. Мы так и не привыкли к зеленой траве и цветам, пахнущим медом, к высоким деревьям, у которых не видно макушек, к сладкой воде из родника. К отсутствию дождя. К необыкновенно звонкому эху. У нас в общине еще живы те, кто помнит время, когда весь мир был таким...

- Сержик, Дина нашла... как, говоришь, эта штука называется?
- Самолет, — повторила я и махнула рукой. Впрочем, удивить Серого мне не удалось.
- Знаю. Он свалился с неба еще когда мы с Эдькой сюда впервые забрели.
- Что, прямо на ваших глазах?!
- Ага, — Серый зевнул.
- Но ты никогда об этом не рассказывал!

— Хорошо-хорошо... — если спорить дальше, можно ненароком лишиться некоторых частей тела. Серый кость сломает — не заметит.

— Обещай!

— Обещаю...

Клещи разжались. Я с облегчением почувствовала, что кровообращение в плече восстанавливается.

Мы согласно что-то промывали в ответ.

— Хорошо. Теперь можно идти.

— Не отставайте, — предупредил Серый. Нашупал мою руку. — Не вырывайся, Диночка. Здесь опасно, а у меня нет желания искать себе новую жену.

Я хмыкнула, но промолчала. Начинала привыкать к его заботе.

Мы снова долго петляли по лесу, увязая почти по колено в топкой почве. В тем-

Я плотнее притянула к поясу корзинку и двинулась вокруг дуба, осторожно стряхивая в нее бурые желуди размером с мой кулак. Дуб развлекал меня смешными историями, я смеялась и следила за тем, чтобы не повредить хрупкие ветки.

— Приходи теперь дня через три, не раньше, — проскрипел он напоследок.

— Обязательно. Спасибо, — я погладила протянутую мне ветку. Ритуал выполнен, можно отправляться дальше.

Уж в чем в чем, а в этом утверждении он постоянен. Мы с Сержем выросли вместе и, сколько я помню, он всегда охранял меня как свою собственность. Поначалу я над этим не задумывалась, а когда задумалась, что-либо изменить уже не могла. Я, конечно, раздражалась, но Серого мои эмоции совершенно не волновали.

— ...окончен. Мы возвращаемся домой.

Если я что-то и пропустила из его слов, то, видимо, что-то незначительное. Ход

— Ты думаешь?

Серый резко остановился, схватил меня за руку, развернул к себе. Я видела, как его глаза наливались кровью.

Почва под ногами начала проседать. В большой палец впилось что-то острое. Я ойкнула. Серж отпустил меня, выругался и зашагал дальше, не оборачиваясь. Я шла следом, растирала руку и придумывала планы мщения. Как я уже упоминала,

— Ты ревнуешь, Диночка?

— Ты думаешь, Сержик?

Он со смехом поднял вверх обе руки.

— Будем считать, что мы в расчете.

Серый достал из сапога широкий длинный нож и зашагал по дороге. Я последо-

Я пожала плечами. Глупый вопрос. Ответ на него известен даже младенцам в общине.

— Радиация.

— Радиация... что это такое? Ты ее видела? — Серый внезапно и без видимой причины разозлился. Впрочем, в этом не было ничего оригинального — злился он чаще всего именно *без* видимой причины.

— Не успела, — честно призналась я, подходя ближе.

— Это — медведь, — гордо пояснил он, вытирая нож о траву. — Говорят, раньше встретиться один на один с медведем мог только *очень смелый* охотник.

— Не может быть! — Я проигнорировала его намек на собственную храбрость. — Я читала про медведей. Они огромные, очень сильные и злые.

— Пойдем? — полуспросил, полуприказал Серый.

— Я боюсь, — внезапно призналась я. И предупредила: — Не вздумай надо мной смеяться.

— Я и не собирался, — он пожал плечами. — Это ведь как прогулка по кладбищу. Все давно уже умерло, но еще живет. Мне тоже страшно, хотя я и прихожу сюда в третий раз.

Реактор. Надо запомнить, в какой он стороне.

Я встала, и Серый тут же занял мое место, отвернулся к стене и мгновенно заснул. Я прошла по комнате, разминая затекшие ноги. У дальней стены стояли низкие шкафчики с перекошенными дверцами. Я потянула за единственную сохранившуюся ручку и замерла в удивлении.

Я знала, что он прав. Крыс побаивалась даже Лера, а она могла поджигать вещи взглядом.

К метро мы вышли случайно. Серый, конечно же, не знал, что это такое. Думал — очередной подвал или бомбоубежище, но я поняла сразу. «Метро»... Это была моя любимая история о прошлой жизни. Наверное, потому что я плохо ее понимала, а непонятное всегда привлекало.

— Я помню. В учебнике по математике были картинки. А ты много знаешь, — чуть раздраженно заметил Серж.

Я спрыгнула с платформы.

— Это все бабка. Она боялась, что ее мир уйдет в прошлое. Собственно, именно это и произошло, только она никак не хотела с этим мириться. Знаешь, странно, что

противным хрустом входит в тела крыс, я ощущала только раздражение из-за того, что мне испортили чудесную прогулку.

А потом все закончилось. Мы сидели у входа в метро. Светило чуть красноватое солнце. Было тепло, тихо и непривычно спокойно.

— П-почему т-ты в кота не превратился, — с трудом выговорила я, пытаюсь от-

— Они не ядовитые, — заверил Сержик. — Да и где ж здесь нужные травы возьмешь? Аось обойдется. Не в первый раз.

— Главное, чтобы не в последний.

— Не будь занудой. Помнится, ты хотела приключений. Вот и наслаждайся.

Разве я хотела *таких* приключений?

сать, иначе конец всему. И пошел с первой группой в набег на продуктовые склады. Получилось, что те, кто не умер от радиации, выжил на радиоактивных консервах. И моя мать в том числе.

В банке, которую дал мне Сержик, оказалось тушеное мясо. Есть пришлось руками. Большие сочные соленые куски таяли во рту, напоминая о детстве. Соус тек по пальцам, падая на пол жирными уродливыми клочьями.

*Всем тем, чья совесть нечиста,
Кто прячется в своем краю,
Закреты райские врата,
А нас встречает Бог в раю...
Крестоносцы*

Я снова сконцентрировалась на крысиной стае. Тысячи маленьких красных глазок смотрели на меня внимательно, ненавидяще, голодно. Какое-то время мы так и стояли, я и это жуткое болото. Потом оно колыхнулось в мою сторону, я инстинктивно отступила к реке. Снова тишина и молчание. А потом — еще один мой шаг к темной глубокой воде. Они что, собираются меня утопить? Утопленники нынче — особый деликатес?

ленных детишек, потому что ни на кого более не способны произвести впечатление. Нелепая и безвредная выдумка нашего мира.

— Странно, — сказала я, разглядывая призрачное сияние, отдаленно напоминающее фигуру Эдьки, — такое же высокое, худое и розовое, — а у нас дома привидения не разговаривают.

— Время еще не пришло, — скрипнуло оно мне в ответ. — Лет через сто заговорят

другой мир, в котором оборотень — явление повседневное и непримечательное. Как ты думаешь, что он выбрал?

— Раз ты мне это рассказываешь, значит, второе. — Я пожала плечами. — Слушай, а что, кроме нашего мира есть и другие?

— Бесконечное множество. Ну, теперь ты понимаешь?

— Кажется, да.

Очень понятно.

— Ты думала, там есть кто-нибудь... что-нибудь... такое, что поможет тебе. Так вот, я и есть твоя помощь. Я могу подарить тебе любой мир. И ты станешь в нем, кем захочешь, — хоть нищей попрошайкой, хоть божеством. Я предоставлю тебе право выбора.

— Вообще-то я хочу...

— Дина, Ди-и-на-а! — звенел в моих ушах голос Сержа. — Дина, черт возьми, что ты наделала! Не хочешь со мной жить, не надо, только открой глаза! Ну, пожалуйста, очнись! Скажи что-нибудь!

Я лежала рядом с водой, в спину больно врезались камни. Серый тряс меня за плечи.

Я закашлялась, выплевывая солено-горькую, не речную воду.

Тишина. Я приоткрыла один глаз. Серый смотрел на меня сверху вниз, и на его лице попеременно отражались замешательство, гнев и удивление.

— Как все?

Он не понял. Я и сама с трудом себя понимала. Близость смерти заставляет иначе смотреть на жизнь, какой бы нелепой она тебе до этого ни казалась.

Я не могу объяснить.

— ...можно идти домой, — сказал Сержик, склоняясь надо мной.

Я поморгала, с трудом прогоняя сон, и тут же об этом пожалела. Сильно болела голова, а в горле першило, словно от свежей полыни.

— Фу-у-у... Чего я вчера нажевалась? Сержик, дай попить...

— Пожалуйста, — ухмыльнулся он, протягивая мне жестяную фляжку. Жестяную. Я сразу все вспомнила. Как насыпала в воду корни сон-травы, как тонко и ком-

Серый внезапно схватил меня за плечи и потрянул. Я больно стукнулась затылком о спинку кровати и прикусила язык. Да что же такое! У меня еще с прошлого раза синяки не зажили, а тут уже новые на подходе!

— Ты издеваешься надо мной, Дина?!

— Пусти!

— Я умерла, Сержик?

Серый недоуменно посмотрел на меня.

— Пока нет.

Я подумала еще немного. Второй вариант радовал меня значительно меньше, но все же...

— Значит, сонда в уме?

Хоть у нас уже давно не случалось никаких инцидентов в ночное время, Старшие все равно выставляют караульных по ночам. Привычка. Мать говорит, что лучше уж так, чем потом локти кусать.

Из-за Леркиных страхов мы еще довольно долго блуждали в темноте. Ей, по моему, нравились кусты, цепляющиеся за одежду, и коряги, норовившие схватить.

ния, но только благодаря его заботам брачные танцы всему нашему поколению пришлось устраивать в самый разгар сезона дождей. Дождь, как и внеплановый праздник, во всей деревне не раздражал никого, кроме меня.

Единственной формой протеста, пришедшей мне в голову, был побег. По традиции в день свадьбы жених должен «найти» свою невесту. Вот пусть и поищет. Сам захотел, сам и мучайся!

Я осторожно открыла глаза. Обстановку это не прояснило, а вот голова заболела сильнее. Я лежала на правом боку и могла видеть лишь плотно сбитые, просмоленные, воняющие рыбой деревянные доски. Я повернула голову чуть влево. Там тоже не нашлось ничего интересного. Серое, быстро темнеющее небо. Здорово.

Дорого.

Но гораздо трудней было поверить в то, что Влад жив.

Много времени прошло с тех пор, как он покинул общину. Много. Почти четыре года. Он убил человека. Никто до сих пор не знает, что они не поделили; Влад и Слепой Стас, отец Сержа. Вопросы Старших Влад игнорировал. Совет приговорил его к изгнанию. Серый возненавидел Совет. Я понимала его — после смерти отца он остался сиротой.

Серый несколько дней курил траву, пытаясь забыться. Я знала, что это не помо-

Лера... Рыжее пламя...

— З-зачем?!

Он пожал плечами.

— Полагаю, она вполне могла бы убить меня. Силенок у девочки для этого было более чем достаточно.

— Развяжи мне руки. — снова попросила я. — Я ничего тебе не сделаю, ты же знаешь.

дешь моей. Не бойся. — Он снова засмеялся, склонился надо мной и потрепал по щеке: — Сейчас я тебя не трону. Могу расслабиться и упустить момент. А вот потом... потом мы с тобой поиграем, обещаю.

Мать как-то сказала, что люди бывают гораздо страшнее зверей. Я поняла ее только сейчас.

— За что, Влад? Что он тебе сделал?

Пнул еще раз. Цепь и боль не давали увернуться.

— Мразь!

Замахнулся в третий раз, но не ударил, а упал на меня, вновь придавив телом, заливая кровью, хлещущей из страшной раны на шее. Я зажмурилась и закричала. Громко. Как, наверное, не кричала никогда в жизни. Тяжесть чужого тела вдруг исчезла. Появились руки, сильные, знакомые. Одним движением разорвали железную

— Влад ведь рассказал тебе? Про себя и отца? Должен был рассказать... Хоть кому-нибудь... Как они соперничали в молодости, как в ночь поколений мама ушла с моим отцом. Они с Владом ненавидели друг друга всю жизнь. Рассказал?

— Да.

— Я не понимал раньше, за что Влад так меня ненавидит. А потом отец просветил... Перед тем, как пойти на эту дурацкую дуэль.

— Да, Сержик.

— Если что, зови Эдика.

— Да, Сержик.

Мы теперь жили вместе.

— Что-то ты подозрительно покладистая...

— Да, Сер. То есть я хотела сказать тебе что больше нравится когда мы ругаемся.

Я до сих пор не знала, что такое «черт», но была уверена, что выяснять это сейчас не хочу.

— Помолчи, — его рубашка намокла от крови и никак не снималась. Я зло рванула ткань и охнула. Раны были страшными и странными.

— Надо промыть...

— Без тебя знаю!

Я снова подошла к окну. В кромешной темноте не видно было даже ближайших деревьев. Учитывая состояние Серого, нечего и думать о том, чтобы самим ночью добраться до деревни.

— Наверное, будет лучше, если ты позовешь кого-нибудь на помощь...

Я говорила сама с собой. Серый уснул. Он всегда все делал вовремя.

Из леса донеслись довольно неприятные завывания, переросшие в противный

Я приоткрыла ставень на окне, осторожно выглянула на улицу и тут же захлопнула. Нас караулила стая волков. Худые, грязные и, судя по блеску в глазах, еще не завтракавшие, они очень мило смотрелись на фоне леса. Чудесно.

Переварив эту новость, я прошла по комнате, пытаясь определить, чем мы располагаем. Черствый хлеб, недоеденный помидор, остатки зажаренного зайца — то, что осталось от недавних гостей. Не густо. Впрочем, если вдуматься, могло быть и

дача не из легких, особенно если учесть, что Сержик, даже в таком состоянии, был раз в десять сильнее меня.

— *Бац! Бум! Бум! Бац!*

Вот и ночь наступила.

— *У-а-уу-у!*

А это волки. Решили, видимо, разнообразить свою скучную работу радостной

— Волки?

В кои-то веки мне удалось его удивить.

— Они здесь уже четвертый день. Нас караулят.

— Весело.

— Очень, — согласилась я. Немного подумала и предложила: — Может, ты все-таки позовешь кого-нибудь на помощь? Ты же телепат! Или мы застряли здесь до вто-

ло больно глотать. И дышать тоже, но он старался этого не показывать. Я чувствовала невольное восхищение и уважение к своему мужу.

— Не пропадать же добру. Я до того, как тебя нашла, их почти целую корзину наловила...

Последняя реплика была лишней. К сожалению, я поняла это с некоторым запоз-

То, что Серый смотрит на проблему именно с такой точки зрения, меня здорово обрадовало.

— Иди ко мне, моя красавица, — позвал Сержик. — В лесу я все время думал о тебе.

— Ты не сердишься? — уточнила я, прежде чем сделать шаг к топчану.

— Нет.

Он улыбнулся. Когда он так улыбался, то походил на сытого коня.

Я тоже обиделась. В конце концов, он проспал трое суток, а я...

— Сержик, по-моему, у тебя нет поводов для недовольства.

— Да.

— Вот именно!

— Я нашел людей.

— Мне очень хотелось, чтобы ты оказалась права. Чтобы это было всего лишь другое, незнакомое нам поселение. Но это не так. Я не паникую, просто грудь сильно болит.

— А при чем зд... — Я заткнулась на полуслове. — Они? Это — они тебя?..

С минуту Серый молчал. Наверное, решал, стою ли я его драгоценного внимания. О чудо, решение было принято в мою пользу!

— Не сомневаюсь. Полагаю, ты хочешь мне сообщить, что не был ни на какой охоте. Серый хмыкнул.

— Ты прозорлива до неприличия.

— С кем поведешься, — парировала я. — Ну и?

— И... И я решил все выяснить. Я отправился на север. Туда, где, по словам Старших, после Варыра осталась только выжженная пустыня. Очень далеко, дней пять

- Зачем?
- Мы должны знать, чем этот мир нам угрожает.
- Нет там никакого мира.
- Вот и проверишь.
- Одна?

Марик вышел из дома последним. Еще через пару минут крыша рухнула.

Мы отступали в лес, пока Лерка гасила ею же разведенный огонь. Если этого не сделать, и лес выгорит, и деревня вряд ли уцелеет — при такой-то жаре!

— К чему столько шума? — спросила я Эдика. — Что, одними арбалетами обойтись не могли?

М... он... на себе Сержика. — Да только Леру разве остано-

- Чего — сколько?
- Ну, сколько лет? Как давно это было?
- Да уже больше полувека назад.
- До города отсюда километров шестьсот, не меньше?
- Больше. Сдохнуть боишься?

- Какого народу?
- Дурак! Ты что, думаешь, после аварии из города кого-то вывозили?
- Я вообще ничего по этому поводу не думал, но сообщить об этом не рискнул.
- Черта с два! Правительство, сообразив, чем пахнет, велело зону заражения перекрыть. Ни въехать, ни выехать. Понимаешь? Въезжать-то сюда никто не собирался, кроме мародеров, желающих на халяву вещичками разжиться. Добра в городе ос-

— Бог мой! Эй! Что ты там делаешь? — воскликнул лейтенант.

Там, под огромной сосной, стояла девчонка. На вид ей было не больше пятнадцати, хотя я плохо определяю возраст на глаз. Высокая, худая, с длинными растрепанными волосами и огромными, как в японских мультиках, глазами. Куртка и штаны из плохо выделанной темной кожи, высокие армейские ботинки, из-за пояса торчит рукоятка ножа.

— Уверена. Они нас боятся. Поэтому ты сумел вернуться живым. Тебя, как и меня, просто не стали преследовать. А Старшие действительно скрывают от нас правду. Когда-то их всех здесь бросили. Теперь я думаю, что они правильно делают, что скрывают. Ни к чему нам тот мир. Ни к чему.

Он прижал меня к себе и долго-долго не отпускал. А потом, посадив рядом, заставил рассказать обо всем. Не уверена, смогла бы я это сделать, если бы не чувство-

ОЛЕГ ДИВОВ

ЕНОТ ДОПРЫГАЛСЯ

знаете, Карлайл, которого позже грохнул Билли Кид, — за мексиканца принял и хлыстом стеганул. Чтобы в луже посреди города не валялся. А Плюх встал, депутата хватить за грудки, и с добычей — плюх обратно! И битый час мы его упрашивали вернуть городу незаконно удерживаемого в луже представителя власти. Плюх тогда крепкий был парень, тридцать лет назад. Но уже насквозь проспиртованный. Револьвер специально прошил, чтобы не застрелиться ненароком. А вот запомните мои слова, он еще

К столу подбегает мальчишка-подавальщик с бутылкой коричневой отравы. Здесь это называют «виски».

Заливаешь, Дядя, его здесь еще не было тогда, Коня-то, напоминает Рик.

И хорошо, что не было, кивает Дядя. Пристрелили бы к черту еще одного порядочного человека. Тот же Огги ему запулил бы. Или тот же Енот. Тогда, знаешь, простые были нравы. А чего спрашивается, с нас было взять — деревня деревней. Почты нет

Спасибо, молодой человек, говорит Дядя. Вот пример истинной учтивости. Было время, когда демонстрация хорошего воспитания считалась естественным делом и не предполагала благодарности. Но в эпоху коммерциализации всего и вся, когда миром правит доллар... Эх! Ваше здоровье.

И Енот — показал Холлидею, напоминает Рик.

О, да, усмехается Дядя, там было на что посмотреть! Мы-то знали, Енот не раз го-

ет людишек... Огги мог пришить Клеменсов дважды. У них счета очень старые. Думаешь, братцы всегда грабили дилижансы и банки? Ха-ха. Они занялись этим, поняв, что ремесло грабителя куда безопаснее, чем бизнес угонщика скота. Братья были совсем щенята, да и Плюх еще сопляк, когда они схлестнулись в первый раз из-за стада, которое Огги охранял. И не схлопочи он тогда пулю в ногу, неизвестно, чем бы все закончилось. Но в первый раз ему не повезло, а во второй он уже не попал бы

Раньше мне было неуютно в салунах. Но теперь я стараюсь не обращать внимания на общую атмосферу. Вижу лишь то, что хочу разглядеть, и слышу лишь тех, кого мне нужно слышать. Иначе страшно.

И вот, продолжает Дядя, сели мы как-то воскресным днем, чуть ли не за этим самым столом, поболтать о жизни. Ну, а потом к мамаше Шварцкопф собирались. И

цы могли украсть только ночью. Безлунной и дождливой. Но, конечно, непорядок. Енот, тот просто зубы стиснул, встал и молча пошел седлать лошадь. Мы ему — погоди, а он — вы пока соберетесь, краснозадых уже след простынет. Между прочим, отменный был следопыт, лучший из нас. Сказал, потихоньку-полегоньку двинет вперед, и либо мы его нагоним, либо он разведает, где у ин-

торое показалось ему верным. И тут за холмами рвануло. Он пошел туда. Лошадь упиралась, Енот привязал ее. Ползком забрался на холм и увидел лощину, залитую голубым светом. По лощине валялись какие-то обломки, и на траве лежала мертвая голая баба. Енот еще подумал, что индейцы ее использовали и бросили. Он спустился вниз, пригляделся и понял, что это совсем не та баба. И, как бы в глубоком обмороке. И индейцев ни-

Сама вернулась к осени, ухмыляется Дядя. Злая, как сто чертей. Мы ее искали, честно. Но индейцы, они тоже слышали взрыв и видели голубой свет. Перепугались, снялись с обжитого места и удрали к самой границе. С той поры их тут не водится.

И что же, говорит Рик, вот так все с таинственной женщиной устроилось само собой? Приняли как родную, выдали за Енота — и спокойно зажили?..

А как бы ты хотел, удивляется Ляля. Здесь тебе не Вашингтон. И даже не Пен-

ворить. Хотя рот она открывает редко. Что выгодно отличает ее от большинства местных дам. Но ее и так понимаешь, просто по взгляду. С Енотом она, кажется, не разговаривает вообще. Им это ни к чему. Заметь, она с самого начала знала, кто ее спас, и глядела на Енота как на божество. А может, он ей тоже с первого взгляда понравился. Когда ей было плохо, когда она плакала, едва приходил

этом роде. И когда она закрывается, Еноту очень плохо. Поэтому он пьет только по большим праздникам или если совсем тоска накатит. Как вы вообще — поинтересовался я. И Енота прорвало! Он, похоже, никому не рассказывал столько. Жаль, что я был пьян и запомнил лишь самое главное. Но зато я поверил!

Енот с женой общались без слов. Она знала все его мысли, предугадывала все желания. Если он грустил, она просто глядела на него и...

ходным, но много ли с того толку, когда полгорода уже не отличит ствола от приклада, а посреди дороги лежит Плюх.

Надо отдать Плюху должное. Валяясь ухом на земле, он первым услышал топот копыт. Вскочил, заорал «Тревога!», прыгнул к салуну, выдернул из-под крыльца винчестер — откуда только узнал! — и открыл стрельбу. Все его пули угодили в за-

А вы больше экономьте, бурчит под нос бармен.

Дорого всё, вздыхает Дядя, всё очень дорого. И дальше будет только дороже. Цивилизация наступает, чтоб ее черт побрал. Навыдумывали бесполезных финтифлюшек и дерут за них деньги. Вот, например, ты, парень, запомнил я, что ты продаешь?

дей? И могут ли они зваться людьми? Свежие, молодые, с острыми живыми глазами, они разглядывали нас, а мы — их. И мы казались себе дряхлыми стариками, и плечи наши сгибались под тяжестью бесчисленных грехов. А она... Да ладно, какие претензии к ангелу — но Енот?! Ведь был такой же, как все мы, наемный стрелок с туманным прошлым. Знаете, в тот момент я готов был избить его. Он повернулся к себе. Спрыгнуть с коня и в грязь, в грязь ткнуть эту невинную

Мне важно было выяснить, как все произошло.

Вот и выяснил бы у меня, думает Енот.

Мне уже случалось быть мишенью здесь. Неприятно, но увернуться можно.

Однако сейчас я, кажется, попался.

Я здесь чтобы оказать помощь, не более того.

Прощайте.

Убийцы.

Мать твою, мать твою, мать твою, говорит Плюх, когда тьма рассеивается. Что это было? Енот! Здорово, старина, мать твою! Одолжи монету, а?

Подходят Дядя и Конь.

Конь же он нас боится, говорит Енот, как же он нас боится.

Дядя обиженно надувается. Енот хмуро смотрит на Коня, жуя губу.

Хорошо, говорит он, бери ребят, дуй на север вдоль железной дороги. У первой же от города водокачки ты найдешь шпиона и сможешь устроить ему допрос. Только он не британский шпион, и даже не мексиканский. Тебя сильно обрадует, если он прибыл, допустим, с Луны?

Гэри А. Бронбек родился в 1960-м году, в год Крысы, за что постоянно извиняется перед публикой и коллегами-писателями. Бронбек пишет не только «хоррор». Есть и фэнтезийные рассказы, и детективы. Но больше всего он любит создавать «ужастики». Увлечение этим жанром принесло автору популярность. Бронбек — «рассказчик». В его активе более 200 произведений, из которых всего 4 романа (последний из них, «In Silent Graves», вышел только в этом году). Первая профессиональная публикация Бронбека была в 1985 году в журнале Алана Роджерса «Twilight Zone's Night Cry». Произведения автора постоянно выдвигаются на различные премии. В прошлом году целых три произведения Бронбека выдвигались на премию имени

мыми, раз уж ты сам не способен, мы сделаем это для тебя. Давай, будь Хорошим Мальчиком и скажи все вместе с нами, ну же!)

Во-первых, она не должна была здесь находиться. Ее отказ от реанимации и от подключения к аппаратуре, хранившийся в доме престарелых, был действительным и в больнице, но какая-то глупая сиделка запаниковала и вызвала скорую, когда у мамы начались трудности с дыханием, так что ее вновь доставили в больницу, и скорая не пошла.

«Вспомним же, сколь мы смертны и уязвимы, — продолжал отец Билл, — и последуем заветам твоим. Научи же нас ждать и молиться, и, когда ты пошлешь по нашу душу...»

Мама затрясла головой и издала какой-то чудовищный хлюпающий звук. Ее рука затряслась еще отчаянней, указательный палец начал разгибаться, преодолевая застарелую скованность. Она повернула голову на бок, опять

собирается меня убить». Потому что ты знаешь — будь здесь одна лишь Лизбет, она не справилась бы. Ты всегда умела убедить ее в чем угодно, но я? Я унаследовал твое упрямство, вот что тебе ненавистно. Наверняка ты и меня сейчас ненавидишь. Или всегда ненавидела, как знать...

«Я так рада видеть тебя», — шепчет маме Лизбет, сжав ее руку и целуя в щеку. Но мама продолжает прожечь все, что ей хочется, не отвлекаясь на мать.

На этой карте нет остановок, нет передышек, ведь так? По крайней мере, ты не найдешь ни одной.

«Так ты вконец измотаешь себя, — говоришь ты, чуть сильнее сжимая ее руку. — Ты же не... не хочешь этого, ведь все пришли сюда повидаться с тобой».

Она продолжает издавать звуки — та речь, на которую она теперь способна, — и каждый всхлип тонет в глухой мокроте, заставляя твой желудок сжиматься, стискивая тебе

Тебе хочется сказать — нет, все совсем не так, как я хотел, так что, если вы простите меня, полагаю, я просто выйду отсюда и взвою над своими потерями, просто откину голову, открою рот и завою. Над улыбкой, которой я не видел годами, над гармонией, которая исчезла из смеха, над шумом из детской, ибо ребенок уже десять лет, как в могиле, над игрушками, которые не пришлось покупать ни мне, ни моей жене; я буду плакать по школьным рисункам, которым не украсить уже каминный пол-

Лизбет проняла твое имя, и ты метнул в нее Взгляд. Взгляд неплохо служил тебе долгие годы, верно? Иногда Взгляда пугаются даже Гости. Прожигает человека насквозь, никто его не выдерживает, все отводят глаза. Ты знаешь это и пользуешься им, когда хочешь, чтобы тебя оставили одного, а, поскольку большей частью именно этого ты и хочешь, многие испытали на себе ужас твоего Взгляда.

Вот и Лизбет слетела сразу. Ужасно, что приходится смотреть на нее вот так, но это

Ты поднес трубку к уху и стал слушать. Подробности. Интимные детали. Мелочи. Это длилось уже три года. Они смеялись. Над твоим папой. Над тобой. Но не над Лизбет, не над этой всеобщей любимицей, не над ней.

Ты с силой швырнул трубку на рычаг и стал ждать. Это не заняло много времени. Мама в дверях твоей комнаты, ее глаза расширены и испуганы — олень, застигнутый светом фар.

«Я люблю тебя, мама». И это правда. Вот в чем весь ужас. Если она возненавидит тебя, значит, так тому и быть. Она сама этого хотела, и ты ей это обещал.

(Верно, малый, так оно и было.)

Ты же ее сын, и всегда был Хорошим Мальчиком. А это — твой долг.

Начали прибывать друзья и родственники, и ты с облегчением отступил от кровати, чтобы остальные смогли попошаться.

Мама улыбается из-за трубки и кивает.

Заслышав ужасный звук отдираемого пластыря, ты отворачиваешься, потом решаешь, что тебе необходимо это видеть.

Мама потянулась вперед, увлекаемая трубкой, ее лицо исказилось, став бесформенной красной плотью, слезы потекли потоком, тело выпрямилось, пальцы затряс-

воплъ — Ты Чертов Ублюдок Сколько Раз Я Говорила Не Хочу Чтобы Он Выезжал В Город На Этом Велосипеде. И кулаки, молотящие по твоему лицу снова и снова, и папа, шепчущий — Мой Сын Никогда Не Допустит Чтобы Я Гнил В Доме Для Престарелых Ты Же Хороший Мальчик, Правда?

(Ну, говорят Гости, что до этого...)

Мама умирала два часа семнадцать минут. Это было долгое и тяжелое зрелище, но ты

ГЭРИ А. БРОНБЕК

ДОЛГ

Один приближается, в его руках ничего нет. Это новенький. За ним еще один, он прибыл, когда ты похоронил папу. Это его лицо было у тебя в тот день, когда ты вышел из дома престарелых, зная, что папа собирается сделать с теми таблетками. В углу около стерео приютился еще один. Он появился в тот вечер, когда твоя бывшая жена подошла к тебе после похорон Эндрю лишь за тем, чтобы ударить тебя по лицу. Ты заваривал чай и, когда она ударила тебя, ты оттолкнул ее так, что она упала на плитку

ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ

ПОЛЗУЧЕЕ СЛОВО

ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ

ПОЛЗУЧЕЕ СЛОВО

Аристарху удалось доказать, что это не цитата, не плагиат, а плохо исполненный парафраз с сорока процентами искажения.

Но одно дело — химчистка, а другое — универсам. Сто раз Аристарх объяснял супруге, что в универсаме все не так страшно, как ей кажется, но она, смертельно напуганная той историей с Шекспиром, все равно боялась.

ши. В день крестин за них платили небольшую пошлину. Потому их и развелось невероятно много. Во вторую — имена, право на которые семья могла доказать. Допустим, был прапрапрадед Варсонофий, родство с которым подтверждается документально. Очень хорошо, теперь имя «Варсонофий» совершенно бесплатно является собственностью семьи, и его можно давать новорожденному без всякой пошлины. В третий день крестин на новороденца — всегда найдется жела-

считаясь с перерасходом словарного запаса и налогами на иностранные слова, потом на его основе составлялся словарь и регистрировался в министерстве. Но слово «рептилии», очевидно, на протяжении всего текста фигурировало только во множественном числе — в таком виде и было закреплено в словаре и припечатано штампом министерства. А умный ребенок сам образовал от него единственное число — «репти-

ние народа определили путем референдума, после чего слово было легализовано президентским указом.

— Садитесь, — сказал Аристарх. — Как вы представляете себе работу младшего изыскателя в службе исторического анализа?

— Я на каникулах уже работал, только не у вас, а в... — парень задумался, и Арис-

— Три дня, так... В понедельник жду вас с новой метрикой, и сразу же приступите к работе. Паспорт сделаете потом.

— Хорошо, — сказал Патермуфий.

Побольше бы таких скромных, деятельных, эрудированных молодых людей, подумал Аристарх. И главное — забывающих задать вопрос об окладе...

Почему Дашенька с ним связалась, Аристарх знал — девочка нуждалась в сильном плече, за которое можно спрятаться от жизненных невзгод. И между ними образовались достаточно теплые отношения. Можно сказать, даже дружба возникла. Если бы Дашенька специализировалась по промышленной филологии, ей бы вообще цены не было. Это была его мечта — понемногу втереться в сферу промышлен-

рараясь: считать ли переписку по Сетям конфиденциальной, или же официально признать, что вскрыть и прочесть чужую почту может любой семиклассник, имеющий пять баллов по информатике, поэтому понятие конфиденциальности тут неприменимо. Опять же, многие посылают одно и то же письмо одновременно двум, трем, пяти адресатам. Потом суета заглохла, законопроект вернули на доработку. И

Аристарх ехал по ночному городу непонятно куда, непонятно зачем, заранее переживая все завтрашние неприятности. Ему даже в голову не приходило оплакивать Дашенькину верность — ведь девушка просила денег у какого-то перчика Андроника, а не у своего официального любовника.

Пожалуй, стоило напоследок хорошенько напиться. Нажраться. Вырубиться. Он прибыл в круглосуточное заведение, где ему предложили множество услуг

— До офиса, — решил Аристарх. Он очень не хотел, чтобы полиция правопорядка взяла его из дома — сплетен не оберешься. Пусть лучше из офиса.

Что делать в офисе в такое время суток — он не знал. Пока там ни души — можно бы еще вздремнуть... Или попытаться первым попасть на прием к банкиру Сулейманову, попросить кредита? Придумать повод, набросать бизнес-план?..

Патермифий вынес из заведения свою сумку, кинул на заднее сидение, помог

сию слышал? Так что давай чеши отсюда поскорее, пока тебя никто не видел в моем похабном обществе.

— А что случилось-то?

— Что-что? Кучу цитат натиражировал... А у Пушкина, знаешь, какая амортизация? А у Блока? Наследники себе бриллиантовые унитазы уже ставят! За мой счет, мать-перемать! Дай минералки!

Аристарх честно попытался понять, что происходит. Но не получалось.

Впрочем, бизнесмен в нем был неистребим — даже похмелье оказалось бессильно.

— А твой интерес? — спросил он.

— Хороший оклад. Тогда я очень быстро возвращаю свои абрикосы, а дальше работаю только в плюс.

— Но ты с этой идеей можешь пойти к кому-то другому...

Друзья познаются в беде — никто из тех, с кем Аристарх время от времени пил пиво или ел деликатесы на приемах, не считал нужным навестить его в заточении. Явилась супруга Феврония Марковна — но ей доверять серьезные дела было опасно, она даже в предбаннике следственного изолятора умудрилась процитировать Ницше.

Наконец объявился Патермуфий.

— Первым делом полезай на сайт государственного аукциона, — велел парню — и постарайся сыграть на понижение.

никомидийский, «сладкий»), Амфилохий (Филя, истории имени сам не знает, а знает оно «сидящий в засаде»).

С ними он чувствовал себя комфортно.

И когда похмельный Аристарх принялся выкрикивать: «Рептилий! Рептилий!», Патермуфий подумал сперва, что это человеческое имя. Еще один несчастный мается поблизости, обреченный на издевательства только потому, что вечность назвал

На всякий случай он запустил рекламу: титаническое имя дает владельцу поистине титаническую силу, понимайте как хотите.

Аристарх слушал и тихо ойкал.

Наконец доклад, при котором докладчик сидел, а слушатель все еще стоял перед ним, закончился.

— Ты здорово поработал, парень, — сказал Аристарх. — И то, что ты меня выку-

ВСЕВОЛОД МАРТЫНЕНКО

СОБАЧИЙ ГЛАЗ

Терять было нечего. Волоча на себе девицу, я дотянулся до стола и хлопнул ладонью по заказному амулету борделя. Несколько тупых толчков в труп известили о том, что стрелы у нападающих отнюдь не на исходе. Но я уже ввалился в открывшийся на стене фиолетовый зев возвратного портала, прорвав телом пленку световой рекламы.

...матный офис. Пара жирных охранни-

всадить стрелу в пол перед самым его носом, и он снова затих, словно мышь под веником.

— Сапоги тоже снимай! — подстегнул я второго. Без обуви даже по мощеной улице не очень-то побегаешь, а мне, похоже, придется немало побегать, пока ситуация не прояснится.

Кстати, неплохо бы кое-что предпринять для ее прояснения. Есть у меня где-то один кожаный ремешок. Прямой

на его поясе оказался значительно толще моего собственного. Содержимое тянуло на три с лишним золотых, да все полуунциями и четвертаками.

Моя военная специальность — программирование кадавров — не слишком-то сытно кормит на гражданке. А на ветеранскую пенсию, четверть меканской унции в месяц, в Анариссе можно прожить два дня. Полторы сотни золотых на полную регенерацию зрения да двести восемьдесят на пластику лица этак не нако-

Это теперь меня зовут Догай Пойнтер. Или Пойнтер-Собачий глаз. Раньше это было не смешно. До войны, когда у меня имелись оба глаза, и ни один из них не был собачьим...

Так что теперь не смешно только мне. Пойнтер — не кличка, а клановое имя. Впрочем, где теперь тот клан... Там же, где мои собственные глаза и прочие прелести довоенной жизни.

На улице после такого оповещения светиться не стоило. В харчевнях фаст-фуда — и того пуще, до стойки не успею дойти, как повинтят. Так что надо бы зависнуть где-то поблизости от намеченного места встречи. Либо не отсвечивать совсем, либо затеряться среди людей, не расположенных слушать крикунов и ловить объявленных в розыск лиходеев.

Знаю такое место! В храме Победивших Богов сегодня вынос Седьмой Релик-

гивающей гибкую фигуру от шеи до пят. А под капюшоном — густые иссиня-черные волосы, плотно обнимающие лоб и скулы лаковым футляром, прежде чем пролиться на плечи сверкающим потоком. Пепельная кожа, серебряные губы, темные глаза без белков.

Это не бордельная подделка. Натуральная черная жемчужина. Темная эльфь высокого пола. ночная погибель. Возвышается над толпой на полторы головы, я

Плохо дело. Не так плохо, как будет спустя полминуты, когда меня поймут, но уже кардинально нехорошо. Отступая, я уперся спиной в колонну, машинально ухватился отведенной назад рукой за какой-то выступ и, потеряв всякое соображение, полез вверх по рострам.

Колонны храма, по счастью, оказались не только увешаны священными трофеями, но и соединены цепями. На них раскачивались здоровенные курильни-

Ладно, пора уже на место. Ланс, как правило, ждать не расположен.

...Ты красива, словно взмах

Волшебной палочки в руках

Незнакомки из забытого мной сна...

На кладбище было, как всегда на кладбище. То есть шумно и многолюдно. Несколько похоронных процессий затерялись в ораве пришедших, разбавленной

щей едва ли не прямо из белого пуха бороды, и дородная дама в оборках, с болонкой на руках и чем-то, напоминающим эту же болонку, на голове. Что милого им было в ускорении и так подступающей смерти, решительно непонятно.

Мертвовод Нохлис уже оттарабанил начальную часть выступления, обличающую пороки жизни, и теперь картинно обращался ко всем сторонам света.

же те, кто не показывался последнюю тысячу лет. Через пару минут я вертелся на куче золы в центре плотного кольца зомби шириной ярдов в пятнадцать, отмахиваясь от подступающих мертвяков.

Люди сбились на открытых участках, с ужасом глядя, как изо всех щелей выбираются неупокоенные подкрепления. Вдалеке показались кирасы и шлемы по-

...Мы лежим на облаках

А внизу течет река —

Нам вернули наши пули все сполна...

Самым дальним углом от кладбища были военные склады. Среди них хватало заброшенных. Городское отребье на охраняемую территорию не проникает, но

Ага. Значит, на крыше она тоже была. Точнее, именно она и была на крыше. С самого начала. То есть с не-то все и началось. Ясно. То есть — ничего не понимаю! — На нас пал жребий, — на лице черной дивы отразилось презрение к моим умственным усилиям. — Ты — добыча, я — твой Охотник. У меня три чистых попытки. Все три неудачные, так что, — ее совершенная мордашка брезгливо скри-

пость какая! — Она содрогнулась от омерзения. — Одним из гонящей стаи... Не добычей, но хищником, чья страсть и жизнь — охота...

Заставить ее, что ли, повторить формулировочку без посторонних включений? Все равно пристрелит. Однако от моих колебаний эльфийской диве малость полегчало.

СВЕТЛАНА ПРОКОПЧИК

МАРШ МЕРТВЫХ БЛОНДИНОК

СВЕТЛАНА ПРОКОПЧИК

МАРШ МЕРТВЫХ БЛОНДИНОК

СВЕТЛАНА ПРОКОПЧИК

МАРШ МЕРТВЫХ БЛОНДИНОК

Игорь присел рядом, осмотрел изделие. Н-да, роскошная вещичка. С двух метров и с пьяных глаз от настоящего жмурика не отличить даже ему, на что уж он спец. Потрогал. На ощупь — почти как нормальная мертвая кожа. Интересно, сколько такая дамочка может стоять? Тысяч пять-шесть, факт. Это если не на заказ делали.

В. С. ...

Родители время от времени ласково выговаривали непутевому сынку, намекая, что пора бы перебеситься и трудоустроиться по специальности. Но Игорю претила мысль, что он будет работать в какой-нибудь юридической консультации, подстраиваться под общие правила игры... По крайней мере, в морге эти правила он придумывал сам. И нарушал, как только они ему надоедали.

тоящему дорогой подарок, пригнали бы новую тачку. А если б им приспичило положить кого-нибудь в его постель, то пригласили бы живую девочку из любого «модельного агентства».

Но если эту «радость некрофила» ребята не дарили, то как она попала к нему домой?

Игорь в задумчивости совершил обход своих «владений». В коридоре на каталке лежала блондинка лет тридцати — пару часов назад привезли из реанимации. Само-

Игорь отметил, как при этом изменился тон фельдшера. Кивнул.

— Хочешь, врача позову? У нас блатная палата свободна, положим тебя, прокапаем...

Игорь покачал головой. Ему расхотелось лечиться.

— Да нет, так-то все нормально, только спать плохо стал, — соврал он.

— Это мы запросто, — нарочито бодро сказал Сашка.

— Саш... Короче, я подумаю. Может, утром приду. Смену сдам и приду. А то как-то неудобно, у сменщика ключей нет, морг-то я запер, он войти не сможет... в общем, пойду я. И жмурика твоего давай, отвезу заодно.

Он шагнул по улице, волоча за собой громыхающую каталку, и думал, что ложиться на лечение придется. Если окружающие видят, что с ним не все в порядке, значит,...

...Но болевает, как ему казалось, а давно и серьезно болен. Психически.

тально забирается под одеяло, стоит ему отвернуться. Но с тем, что она ему ещё и завтраки будет готовить, мириться он не собирался.

Наверное, мать приезжала, догадался Игорь. С ней такое случилось: ни с того, ни с сего напал на нее родительский стих, и она навещала сыночка. Свои ключи от его квартиры у нее были. И — да, она всегда заботилась о том, что детушка кушает.

— Надолго ли?

— Совсем. Мне тут хреново было, решил завязать. И вообще я из морга увольняюсь.

Она недоверчиво улыбалась, качала головой.

— И куда пойдешь работать? Дворником?

— К отцу. Он будет счастлив, что я одумался.

— Кое-что вынести и сжечь.

— Ща, оденусь.

Сосед схватился за сердце, увидев, что Игорь заворачивает в простыню женский труп.

— Кукла, — не дожидаясь расспросов, пояснил Игорь. — Друзья, чтоб им пусто было, на день рожденья подарили. А у меня девчонка ее увидела... ну и труба. Дев-

— Вот что с хорошими людьми делают плохие бабы, — поддакнул один из знакомых.

— Каждый раз, когда я рассказываю эту историю, обязательно кто-нибудь уходит, обозвав меня подонком и мерзавцем, — обронил Игорь. — И всегда уходят люди, которые недавно женились. Жен их никто не видел, на свадьбе у них никто не гулял, а их друзья говорили: да, мужика будто подменили...

Компания замолчала. Все переглядывались.

Игорь посмотрел ей в глаза. Девушка улыбалась.

— Лена, только я должен тебя предупредить — у меня после того случая с блондинками... не получается.

— А может быть, тебе неправильные блондинки попадались?

Он рассмеялся. Она тоже.

АЛЕКСЕЙ БЕССОНОВ

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Ни рубашки, ни уж тем более галстука на нем не было — очевидно, генерал не обременял себя такими тяжеловесными излишествами. Рыцарский крест с Мечами был небрежно пришпилен на кожу чуть ниже змейки левого нагрудного кармана. Под курткой генерал носил совершенно не уставной светлый пуловер собачьей шерсти, зато галифе и сапоги... Рутковски едва не поперхнулся. Кожаные галифе из

расно знал, что сдавать запутанные и просто запущенные дела базы напомутому педанту — хуже каторги. Ланкастера интересовало дело: отлично, значит, особых проблем ждать не стоит.

— Идет, господин генерал, — закивал Рутковски. — С чего начнем? Я тут готовлю отчет — для вас и для вышестоящего, понятно, штаба, так вот...

Я порешил, что генерал — никаких отчетов никогда не читал. В юности как-

Поверьте, это как раз то время, в течение которого можно работать относительно спокойно. На четвертый день обычно появляются местные охотники. Иногда они не стреляют, но это еще хуже...

— Почему? — насупился Ланкастер.

— Они завели себе моду захватывать наших живьем. Да-да, не смейтесь, пару раз

Получасом позже генерал Ланкастер поправил засунутую под ворот свитера салфетку и стукнул вилкой по стоящему перед ним бокалу:

— Все здесь? Можно ужинать.

— А то мы не знали, — пробурчал себе под нос Чечель и осторожно ковырнул вилкой в тарелке. После одного старого отравления, едва не стоившего ему жизни, грибов он боялся панически.

по планете, размножить их в необходимых количествах и подготовить к первичному анализу в соответствии с той информацией, которую мы получим в ближайшее время. Через трое суток мы соберемся снова и каждый изложит мне свою точку зрения на проблему. Начальник разведки: Барталан, ты должен быть готов к тому, что дежурное звено атмосферной техники может понадобиться буквально в любую се-

генов был инспирирован эсис, а сражался там якобы какой-то глубоко секретный легион, давно уже использовавшийся во всяких особых миссиях.

— А-а-а, — Тассмен не донес до рта ломтик поджаренной ветчины. — То есть вы хотите сказать, что к нам перебросили единственный легион Конфедерации, которому уже приходилось резать л ю д е й?!

Гарри — расплылся в улыбке Скотт. — На-

«Мастерфокс», таинственный легион, сформированный в первый год войны из разномастных специалистов, появившихся словно ниоткуда.

Какие интересы могли забросить его сюда?

Бедняга Рутковски, конечно, не знал, да и знать не мог, что особый легион «Мастерфокс» существовал в с е г д а. Ну, может быть, не всегда, но давно. С того самого

Мы с удовольствием выполняем договор с организаторами известного сетевого конкурса «Блэк Джек» и публикуем рассказы-победители. Конкурс проводится в рамках виртуального журнала «Самиздат» (www.zhurnal.lib.ru) вот уже четвертый раз. Благодарим за сотрудничество руководителя «Блэк Джека» Максима Машкова, координатора конкурса Ирину Чуднову и, конечно же, бессменного Главного арбитра — **Святослава Логинова**.

Женщина слабо всхлипнула за его спиной. Он вздрогнул, будто плетью его хлестнули, слабо шевельнул посиневшими губами.

Вечно я смущаюсь в такие минуты. Откашлявшись, говорю:

— Йед Аленски?

Он кивнул — так странно, словно голова у него на веревочке. Я улыбнулась ободря-

— И то верно, — пробормотала я. Он как будто заметил что-то, подвинулся ко мне, в глазах полыхнула надежда.

— А может... отсрочить... хоть на годик, хоть на полгодика...

— Побойся бога, князь! Куда уж откладывать? Пора.

Он снова сник, снова уронил голову на руки. Я потягивала вино, молча разглядывая

Толкаю ногами стол, летят кубки, тарелки, вино черным фонтаном брызжет на стены и скатерть...

Йед Аленски поник плечами, качнулся, попробовал встать. Посмотрел на меня пустыми глазами, охнул, схватился за сердце. Плетка у его пояса слабо шевельнулась, словно сама по себе.

Человек, пишущий серьезно, отличается от случайного автора тем, что не боится пинков. Рассказы Юлии Остапенко уже встречались в этом конкурсе: один раз автору изрядно влетело, второй раз Юлия заняла четвертое место. И вот — новый рассказ. Значительно, на порядок лучший, чем первые два. И над стилем автор работала, прежних ученических ошибок не видно. По отдельным словам у меня всего два замечания. Не станет князь, говоря о старшем брате, пусть даже убитом самим князем, употреблять слово «мужик». Для князя «мужик» — вполне определенное понятие, означающее лапотника, а никак не мужчину. И второе слово

Снова солнечных дней увидеть лучезарный свет?
 Нет: не пробуй надежду питать непосильную!
 Сын Эола, Сисиф, меж людьми хитроумнейший,
 Мнил, что общую смерть удалось одолеть ему, —
 Смертной Керой, однако, и он, многознающий,

Восторженный вопль и хлопанье в ладоши ознаменовали апогей шоу: почти с самой вершины горы камень с грохотом скатился к подножию.
 Блондинка, бросив бинокль, привычно вцепилась в отцовский рукав:
 — Папочка, я хочу познакомиться с Сизифом!
 Банкир оларил Автолика взглядом, означаящим только одно: «сколько?»

лов, напряженных в очередном рывке! Смешно смотреть, как ты, легендарный разбойник с Парнаса, пытаешься бороться с брюшком, которое тебя неумолимо побеждает!

Сколько раз ты хотел поменяться со мной ролями, Автолик? Не навсегда, конечно, а на часок, чтобы почувствовать себя в ином амплуа, вызвать жгучий интерес и

уже успокоился, а второй не может смириться со своей ролью и постоянно готов к новой схватке.

Девушка косится на заметное даже под свободным спортивным костюмом брюшко Автолика и хмыкает. Автолика это не смущает. Обращаясь уже не только к юной особе, но и к другим присутствующим, Автолик показывает на окна отеля.

— У меня в кабинете полно интересных сувениров со всех концов света. Среди

нист. Где же происходит действие рассказа? Посетители гостиницы, вроде бы, ничуть не похожи на стенающие тени Аида... И все же они все мертвы. В самой повторяемости происходящего, в унылом однообразии разговоров и плотских соитий сквозит холод Аида. Всё не своё, всё заимствованное, даже речи мёртвых персонажей исполнены литературных реминисценций, впрочем, достаточно неявных. «Покажи мне свои самовары...» — искушённый читатель немедля вспоминает ируканские ковры, и то, чем закончился тот адюльтер. Единственным живым человеком оказывается Сизиф, и здесь обманувший судьбу. Даже Автолик

Я ухватил ключ за локоть и вправил его в крепкие челюсти замка. Дверь правой, застегнутой в бронежилет, половиной вежливо отодвинулась в сторону: милости просим! Перепуганная книга и — слишком буйная! — квитанция о доставке ввалились в прихожую, выполненную в черных тонах стиля «афро» (тело к телу, аккуратно, без халтуры).

Я расписался жилками выделениями ручки на мускулистой спине квитанции. И бес-

— Привет! — Леночка элегантно падает на стул попочкой. Стул морщится и скрипит кариесом.

Плохой стул, нервный.

— Привет.

— Я скучала. Без тебя. А ты?

И я. Сидела. Показывала официантам, прощу меня.

— Ты так галантен!

Лена и я вяло занимаемся любовью, и широкая двуспальная кровать под нами стонет и кряхтит. В прямом смысле слова.

— Что с тобой?!

— Ничего.

— Ты на себя не похож. Что?.. Что-то случилось?

АЛЕКСАНДР ШАКИЛОВ

РОМАН ДЛЯ ВЕШАЛКИ

Я, наверно, сошел с ума. Но я уверен: однажды ОНА оттолкнет от своей бесподобной фигурки мой старый кожаный плащ, и демисезонное пальто выпустит из крепеньких ручонок, и ответит мне. ОНА скажет:

— Спасибо. Я так люблю эти романы. Эти эротические романы. И тебя... люблю... тебя люблю!..

Меня!

ВИКТОР КРЫМЗАЛОВ, АЛЕКСАНДР СВИСТУНОВ

ПОЛТЕРГЕЙСТ

ВИКТОР КРЫМЗАЛОВ, АЛЕКСАНДР СВИСТУНОВ

ПОЛТЕРГЕЙСТ

ВИКТОР КРЫМЗАЛОВ, АЛЕКСАНДР СВИСТУНОВ

— Что же делать, Саныч? — начал нервничать я. — Слышь, а чайник-то закипает!

А Саныч помолчал немного, почесал затылок и выдает:

— Ты, Вовка, не суетись. Полтергейст у тебя мирный, драться не собирается, наоборот, в хозяйстве помогает. Иди, спасибо ему скажи, а потом чайку попьем.

Зашел я на кухню и говорю:

— Здорово это у вас, гражданин полтергейст, с чайником получается. А если бы

Список у меня, ясное дело, немалый получился — на двадцати тетрадных листах и одном газетном обрывке. Но полтергейст смиренно списочек принял, и все заказанное исправно доставил. Подъездные старушки этот факт отметили.

— У тебя, Вова, феномен какой-то в квартире творится, — говорят. — Постоянно не то гуси, не то вороны в форточку залетают. А один раз на балконе вроде летаю-

— Гражданин, — грозно произнес он, и будто из обоих глаз в меня выстрелил. — Паспорт предъявите.

Пока я соображал, куда полтергейст мой паспорт во время уборки припрятал, документ уже выпорхнул из ящика стола помятым голубем и — прямо в руки участкового.

Полтергейст уперся, к стакану не притрагивается. Ну ладно, думаю. Наверное, хороший малец получился. Пусть моим сынком считается. Прикончили мы с полтергейстом бутылку и подружились окончательно. Не пришлось мне идти в налоговую, пожарники и санэпидемстанция не беспокоили меня до конца жизни, skinхеды забыли о моем существовании. А сынок, Додик, остался. Алименты, конечно, так вель было с чего. Карьера моя стремительно в гору пошла.

Дорогие друзья!

Нынешний «Синописис» особенный. Он посвящен **Клиффорду Саймаку** (1904-1988). Без этого писателя нельзя представить ни развитие фантастики, ни мировую культуру. Не можем и мы, ведущие рубрики, представить свое становление без его книг. «Город», «Все живое», «Пересадочная станция», «Прелесь», «Грот танцующего оленя», «Заповедник гоблинов» — эти и многие другие вещи Саймака стали, наверное, частью нашего «я», нашей личности. Пусть ныне Саймак выглядит немного старомодным и слегка сентимен-

— Но это же замечательно, — возразил голос. — Каждое утро вы получаете новую и чистую одежду. Посмотрите, голубые брюки и зеленая рубашка. Вы любите голубой и зеленый цвета.

— Я люблю старую одежду, — заявил он.

— Новая гораздо гигиеничнее, — произнесла невидимая женщина. — И она вам очень

Она очень хорошо сидит. У нас есть все ваши мерки.

Он заколебался на мгновение, пытаясь заставить себя думать. Кажется, у него была какая-то веская причина не есть завтрак, но теперь он ее забыл. Если только действительно была какая-либо причина.

— Ну же, давайте, — вкрадчиво прошелестел голос.

Он прошагал к столу и сел, туго уставившись на чашку кофе и тарелку с омлетом.

Разумеется, может, подумал он. Но как нарисовать одиночество? Как изобразить огорчение и заброшенность?..

Когда он ничего не ответил, она спросила:

— Значит, вам ничем не хочется заняться?

Он ничего ей не ответил. Зачем утруждать себя ответом синтезированному голосу, ко-

ИНТЕРВЬЮ С ВАСИЛИЕМ МЕЛЬНИКОМ

— Кто из русских писателей близок к творчеству Саймака? Можете ли вы ощутить черты общности с ним Кира Булычев? Или это совсем разные векторы фантастики?

— Булычев, мне кажется, более язвителен, более ироничен в своем взгляде на мир. Саймаку

— Многие герои Саймака не просто «маленькие» люди, но даже деревенские дурачки. В одном интервью, говоря об этом, он сказал: «У меня просто какое-то внутреннее убеждение, что идиот сможет лучше понять чужое существо». А как вы к подобному утверждению?

— Трудно сказать... Я полагаю, что если однажды инопланетяне все-таки прилетят, они будут столь отличны от представителей рода человеческого, что и ученые, и деревенские дурачки,

ГРИГОРИЙ ПАНЧЕНКО

РЕАЛЬНОСТЬ И ФАНТАСТИКА ДООГНЕСТРЕЛЬНОЙ АРТИЛЛЕРИИ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. БОЕВЫЕ КОРОМЫСЛА

Это возражение, полученное в ходе конвента «Звездный Мост», пришло от весьма известного писателя. При всей любви к его творчеству вынужден вступить за честь метательных машин. Во-первых, «курс» — это, как уже говорилось, общее направление на город. А зажигательный боекомплект — не тряпка, но пропитанный неким составом волокнистый «чехол» или даже шнур, плотно обмотанный вокруг дровка с учетом его центра тяжести. За время полета он не

(В античности, насколько известно, шнур не использовался — спусковой зацеп выбивали молотом: прямо как в «Возвращении в Форност»! Но опасное это было дело: при малейшей ошибке кисть руки могла улететь вслед за катапультным снарядом.)

Типовыми снарядами метательных машин Шрамма (по античным меркам, если помните, небольшим) были свинцовые шары весом в несколько десятков килограммов.

Еще был вопрос о том, почему все-таки осаждающие обычно применяли катапульты успешней, чем осажденные. А вот это как раз необязательно для «ненаших» миров! Но в мирах «наших» античное градостроительство оказалось *старше* метательных машин: оно слишком долго сохраняло остатки докатапультных традиций. Если же вокруг города действительно вырастет новая система укрепления — то установленные на специально оборудованных для этого башнях тя-

Собственно «боевые кормысла»

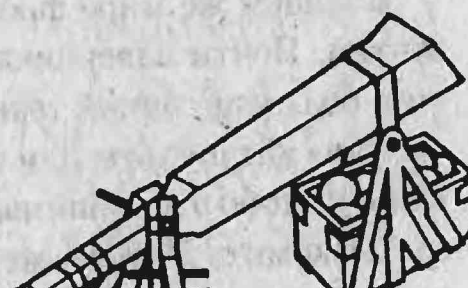
Здесь, пожалуй, следует объяснить, что же такое требучет. Это простое, но очень эффективное метательное оружие — большой рычаг, свободно вращающийся вокруг некоей точки опоры, длинное плечо рычага заканчивается

более коротком плече шарнирно подвешивается тяжелейший груз: обычно громадный ящик, заполненный камнями или землей (есть и другие варианты, но один многотонный камень — вряд ли!). А второе плечо представляет собой длинный «шест», снабженный пращей (не корзиной!), в которую закладывается снаряд. Если продолжить водоносную ассоциацию, то машина действует по принципу колодезного журавля. При помощи системы воротов или, в легких

гать за бруствером, на «закрытой» позиции, либо прикрывать, допустим, развешенными на столбах плетеными матами или войлочными «коврами». Эффект свободно висящей ткани хорошо гасит энергию и стрелы, и даже ядра легкой фрондиболы. При попадании снаряда ТЯЖЕЛОЙ фрондиболы, конечно, возникнут проблемы...

Именно из тяжелых фрондибол в осажденный город забрасывали, например,

(Между прочим, из мачт их действительно собирали. Когда прибывшее на кораблях войско с ходу приступает к осаде приморского города — в дело идет именно этот «строй-

В нашем же мире фрондибола появляется где-то к VII в., на территории Византии. Почти наверняка она является переосмысленной, с учетом новых условий, позднеантичной техникой: скорее всего — вышеназванных «смысловых элементов» катапульты или фустибулы (а может, все же колодезного журавля?). Довольно скоро эти машины проникают в Европу, а веку к XII и Русь начинает с ними знакомиться. Века же с XIV фрондиболу уже помаленьку начинают теснить

ВЛАДИМИР ПУЗИЙ

КАК ЖИВЕТЕ, КАРАСИ?!¹
(ДЛИННЫЙ ДОКЛАД С ТРЕМЯ ПРЕАМБУЛАМИ,
ОБИЛЬНЫЙ БАНАЛЬНОСТЯМИ)

либо еще, пишущий виден без прикрас: профессионализм одного не вызывает сомнений так же, как и беспомощность других. И знакомая моя всего лишь — сознательно или нет — сформулировала тот, в общем-то, предсказуемый вывод, который справедлив не только для литературной критики, но и для любого рода аналитики вообще: лучше с нею справляются именно профессионалы в данной

Постойте-ка, да нужно ли все это фантастике, не ошибаюсь ли я? Зайдем в любой книжный магазин, посмотрим на полки — вон ее сколько, от «Фантастического боевика» до «Магического реализма», а между тем и другим — «Век дракона», «Звездный лабиринт», «Шедевры фантастики», «Отцы-основатели»... Одних только серий — пальцев двух рук не хватит, чтобы сосчитать!

Чем сильнее! Ведь чем больше книг выходит, тем больше увеличивается коли-

иллюстрации и проч.; где переводы не только сделаны качественно, но и не раз вычитаны редакторами/корректорами.

А что с самими фантастами? По сути, в этом отношении мало что изменилось по сравнению с 2002 годом (см. упомянутый доклад Валентинова). Да, новые авторы появляются в большом количестве — чтобы издать один-два невзрачных

Отечественный издатель фантастики, кажется, только сейчас начал предпринимать первые шаги по продуманному информированию потенциальных читателей о своей продукции. Поясним: речь идет не только о плакатах и флайерах, но и о систематических публикациях в СМИ (и не только в профильных!), о встречах писателей с читателями и о многом другом. Обратите внимание: впервые за

Как этого добиться? Думаем, каждый издатель, если захочет, отыщет свои схемы. А вот автор...

Но об этом — ниже.

2. *Читатель «среднего звена» «объелся» литературой безвкусной.* Это вторая причина кризиса, который многие называют кризисом перепроизводства. Очень

ний, точнее — сотрудничества. Писатель и издатель все больше будут заинтересованы в PR-е (даже в простом информировании о своей продукции!), критик и читатель — в оперативной и по возможности объективной информации.

В такой ситуации критики могут быть той спасительной соломинкой, тонким мостом, который соединит писателя/издателя и автора. Со стороны издателя понаблюдать не такие уж большие усилия: вовремя снабжать критиков самой свежей ин-

В месяц по рецензии, наверное, каждый бы смог написать, нашлось бы время. Зачем? Да именно затем, чтобы привлечь внимание читателей к хорошей, интересной книге.

...Написал я это все и подумал: ну чистой воды коммунизм получается, «все писатели — па субботник!», взяли по бревну и понесли... Когда занятому, в общем-то, человеку рецензии писать? Конспекторы не читают? Ответить, убого, трудно.

О да, есть Интернет, а в нем много любителей высказать свое мнение: анонимно поругать, безоглядно похвалить. А вот аргументированно разобрать произведение, проанализировать...

У каждого из писателей, конечно, сложилась своя референтная группа читателей «первого экземпляра». Только и у них глаз «замыливается», и здесь очень важен свежий взгляд — свежий, внимательный, непредубежденный. По возможности, про-

ВЛАДИМИР ПУЗИЙ

КАК ЖИВЕТЕ, КАРАСИ?

мировать, с другой — «кусать» расслабившихся карасей. А мне кажется, одно отнюдь не исключает другого, даже в позитивной рецензии может найтись место конструктивной критике, хотя, к сожалению, очень часто эту конструктивную пытаются соорудить наспех, именно потому что «положено же и поругать». Причина все та же — специалистов, аналитиков до обидного мало, и никто не спешит увеличивать их количество.

ЕЛЕНА МУРАШЕВА

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ

ЕЛЕНА МУРАШЕВА

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ

стве Таргера, где, собственно говоря, и происходит действие, узнается Португалия времен Васко да Гамы и Колумба, когда она была великой морской державой. Но разница есть: здесь Колумб Америку не открывал. Нет «халявного» колониального золота, нет и сброса пассионариев в колонии, что в реальной истории не пошло Испании на пользу. Им, пассионариям, в книге Пехова приходится делить совсем небольшое пространство — и с ожесточением резать друг друга: бежать-то некуда.

Автор создает альтернативную теологию. Церковь в его мире изначально безблагодатная, ибо построена на лжи. Монахи сами используют магию, а народу не дают. Заметим, что в реальной истории никто из святых магом не был; их чудотворство ни в каком родстве с магией не состоит. В чем разница? Наверное, в том, что чудо — это то, что Бог сделал через человека, магия же — то, что человек сделал сам, не спросив, одобряет ли Господь. Ну ладно бы клирики в мире Пехова узурпировали право на ма-

Когда медицина освоила переливание крови и пересадку органов, она создала систему донорства и искусственные органы. По тому же пути пошел и герой романа. Инкарнатор — устройство, которое превращает электрическую энергию в заряд, воскрешающий мертвых. Потом, есть люди, которые умирают, не успев израсходовать свой потенциал, — остатки можно забрать и отдать другим... Страшно? Не страшнее, чем многое другое в реальной медицине, о чем не пишут популярных ста-

Обаяние романа еще и в том, что деятельность «некроманта» Вааля не кажется совсем уж невероятной. Просто новый шаг на том пути, которым давно идут наука и медицина. Не зря большинство персонажей, пытаясь осмыслить происходящее, помнят реанимацию.

Особого внимания заслуживает линия загробного мира. То, как решили автор

человеком — добродушным, предприимчивым юношей, мечтающим стать наемным солдатом. Сюжетные линии текут как будто независимо друг от друга, но это лишь на первый взгляд. С развитием событий две линии, «сейчас» и «четыре года назад», начинают переплетаться, словно отражаясь друг в друге. Зеркало. Странное зеркало, в которое смотрит герой. Вспоминая собственное прош-

«Король-демон», выпущенном издательствами Сталкер-АСТ в серии «Заклятые Миры-2» около года назад. Читатель, знакомый с дебютным романом Виктора Ночкина, встретит знакомые географические названия и имена. Романы занятым образом перекликаются и, кстати, Ингви, герой «Короля-демона», тоже мелькнет на страницах «Менялы»...

... о боях и героях о войнах потрясаю-

РАФАИЛ НУДЕЛЬМАН

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ПИР

уровня философской и духовной проблемы, и сама читательская мысль поднимается, расширяется и углубляется вместе с ней. Эта непринужденная, ненавязчивая композиционная метаморфоза — одно из художественных достоинств романа.

Главное, однако, даже не в этих особенностях. Роман П. Амнуэля возвраща-

РОМАН АРБИТМАН

МЕЖДУ НАМИ, АРИЙЦАМИ, ГОВОРЯ...

РОМАН АРБИТМАН

МЕЖДУ НАМИ, АРИЙЦАМИ, ГОВОРЯ...

М. ЭКСМО 2004

из четырех с половиной сотен, причем советы эти не тянут даже на мини-ликбез. Писатель рекомендует ставить значимые слова в финал предложения, обращать особое внимание на начала и концовки, не злоупотреблять словами «был» и «свой» (несколько страниц подряд автор злорадно уличает классиков в переизбытке этих ужасных слов). Все эти мелкие «ноу-хау» утоплены в трясине рас-

Ограниченный бриллиант Никитин в своей книге изредка отвлекается от себя, любимого, в пользу общелитературных тем. Отдав должное шекспировским сюжетам («Король Лир мрет, предварительно в жутких страданиях кукукнувшись»), он совершает пару фундаментальных открытий (к примеру, «Приключения Буратино» — это, оказывается, «переведенная достаточно вольно на русский

оригінальністю задуму, швидким розвитком подій, а другі — вишуканою мовою, нестандартною подачею, певними інтелектуальними іграми з читачем. Таким чином, виникає начебто дуалістична модель: книга може бути «або — або»: або швидкий сюжет, рішучі герої, події та пригоди, або філософська полеміка, стилістичні пошуки та експерименти. Дійсно, поєднати всі компоненти в одно-

тичний персонаж, а герой у прогресії. Непередбачуваність сюжету часто ґрунтується на непередбачуваності головного героя. Впродовж оповіді він зазнає великих змін, в першу чергу психологічних. «Офіцер магічної безпеки» — це один із чотирьох романів «Сармонтазарського циклу». Епічна картина Кола Земель, створена письменником, малює уявний світ, де продумано й прописано все — географія, історія, соціальний устрій, політичний лад, економіка, культура та

Рубрика «Бинокляр» вновь предлагает вашему вниманию разные точки зрения рецензентов. На этот раз обсуждается книга автора, любимого многими, и обоими критиками в том числе: сборник **Терри Пратчетта «Страта»**. На этот раз перед нами «неизвестный Пратчетт», не «плоскомиренный». Чем явится эта книга для многочисленной армии поклонников английского фантаста — разочарованием или открытием? Кто прав — **Роман Арбитман** или **Владимир Пузий**, — судить вам. Мы касаемся столь тонкой сферы — вкусы и пристрастия читателей, — что делать окончательные

НЕ О ТОМ Плоском Мире, с которым сжились читатели романов «Безумная звезда», «Творцы заклинаний», «Ведьмы за границей» и других. Внешние приметы чудо-мира соблюдены. Есть тут маги, джинны, драконы, есть даже гигантская Черепаха, но... «Плоский мир должен иметь либо встроенные гравигенераторы, — рассуждает Кин Арад, прилетев на место, — либо подложку из нейтрониума на обратной стороне. Этот диск вращается, но очень медленно, и тянет

сатели, как выяснилось, неровные. Под именем Гаррисона издатели принялись выщелкивать «новоделы», лишь тронутые рукой мэтра и написанные в Москве (качество новых приключений Язона ДинАльта и Джима ди Гриза было столь ужасающим, что даже сам устыдившийся Гаррисон, как говорят, категорически запретил распространение этих вещей в англоязычных странах). В случае с Шекли даже не пришлось ничего дописывать: уровень поздних вещей писателя

Удачен ли роман? Скажем так: небезынтересен. Немного длинноват, но назвать графоманщиной или бездарным текстом его нельзя; да, ранний и потому несовершенен. (Положа руку на сердце — все ли романы «Плоского мира» одинаково удачны? На мой взгляд, первые книги цикла тоже временами довольно нудноваты).

Уже в «Страте» проявляется одна из характерных черт Пратчетта: его изоб-

АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ: «НЕ ПОНИМАЮ ПИСАТЕЛЕЙ ЦЕЛЬНЫХ И СУРОВЫХ...»

«Фэнтези-2005». Были уверены, что повесть «не пройдет», даже если приглянется Чупринину. В первую очередь потому, что фэнтези журнал «Знамя» со дня своего основания никогда не публиковал. В общем, послали. Когда же Чупринин сказал, что берет, удивление наше пределов не имело, но и тревожно было. Потому что всегда страшно быть первыми. В данном случае, первыми фэнтезистами на страницах почтенного журнала с традициями.

Яна: — Будущее у компьютерных игр по произведениям отечественных фантастов неопределенное. Наши разработчики по сей день побаиваются фантастики точно так же, как до самого недавнего времени ее чуралась наша киноиндустрия. Но все может измениться в течение ближайшего года. Будем бороться.

ВЛ.: — *Как сделать игру популярной?*

Дмитрий: На словах все просто. Игра

риги нужны интересные противоборствующие стороны. По мнению Best Way, Зорич может им все это предоставить.

ВЛ.: — *Как вы считаете, что необходимо фантастическому произведению, чтобы оно стало привлекательным для «сценаризации»? Как оно должно быть «заточено»?*

Дмитрий: — Ясно, что книга должна быть ярким, интересным фантастическим

ВЛ.: — *Перспективно ли издание фантастики в Украине на украинском языке?*

Яна: — Вероятно, да. Хочется верить в это. Хотя трудности очевидны: в Советской Украине выросло два поколения абсолютных билингвов, которым безразлично, на каком языке читать — на украинском или на русском. А поскольку русских книг больше и они дешевле за счет того, что российские объемы книгоиздания не сопос-

Дмитрий: — Мы старались удержаться в горизонтах, очерченных романом «Завтра война»: возрождение традиций «настоящей» научной фантастики, обстоятельное выстраивание биографий главных героев, демонстрация чуждых ментальностей — в первую очередь, клонской... Снова не обошлось без ученых. Их присутствие, похоже, становится нашей визитной карточкой. Разумеется, дана и широкая картина военных действий, ведь за название первой книги надо отвечать. Война

«Вы куда хотите — в будущее или в прошлое?» — спрашивал Сашу Привалова, героя повести Стругацких «Понедельник начинается в субботу», изобретатель машины времени Луи Седловой. И, услышав в ответ энергичное: «В будущее», был слегка разочарован. Мы же, обзревая видео, перед броском в будущее сделаем короткую остановку в прошлом. Итак...

ЛЕВ ГУРСКИЙ

Шин) и предводителя французов Арно (Ламбер Уилсон — «Только не в губы»), в сестру которого, леди Клер (Анна Фрил), успел влюбиться — не без взаимности — Андре. Последний в финале остается с ней в прошлом... Романист не должен роптать на авторов фильма: сюжет картины довольно близок к сюжету романа, однако есть и отличия. Например, в романе профессор — вовсе не отец Криса. И к тому же в романе путешествовать можно в любую точку прошлого, а в фильме имеет место только одна дыра во

Еще одна лента про ужасное будущее — картина *Кевина Дунса «Шесть»* (Six: The Mark Unleashed, США, 102 минуты, «Пирамида», 2004). Америкой (а, может, и всем миром — не уточняется) правит Вожь, возомнивший себя богом. Его adeptам вживляют чип, который лишает их индивидуальности и де-

ным случаем, дабы продемонстрировать зрителю множество разнообразных тварей — и тех, что уже засветились в первой ленте, и новых, не менее ужасных и омерзительных, но размером поменьше. Сюжет уже никакого отношения к хайнлайновскому «Звездному десанту» не имеет, зато один из сюжетных ходов взят напро-

бийство, а убийство, — тем более, что робот Санни (Алан Тадик) пытается скрыться, а преемник Лэннинга, Лоуренс Робертсон (Брюс Гринвуд — «Двойной просчет»), ведет себя подозрительно. С помощью робопсихолога Сьюзен Кэлвин (Бриджит Мойнахэн — «Цена страха») и подсказок, оставленных Лэннингом, герой пытается разобраться в происходящем, периодически отбивая нападения роботов. Лишь в финале герои понимают,

негра (Глен Пламмер — «Странные дни») с собачкой и еще нескольких человек. Разумеется, в финале самая большая буря стихнет, а семья Холлов воссоединится... Фильм получил неслабый бюджет (125 миллионов долларов), однако большая часть средств пошла на создание немыслимо убедительных спецэффектов утопления и заморозки городов (само собой, не обошлось дело без обледенелого торса статуи Свободы). По-прежнему в картине нет звезд первого ряда, которым пришлось бы отвалить огромные го-

СЕРГЕЙ МИТЯЕВ

OPUS MIXTUM

###

Осенний Эверест призор

Лучший переводчик — Натали Меже

Награда за Европейские достижения — Андреас Эшбах за сборник европейской фантастики на немецком языке «Один Триллион Евро».

Великобритания. 26 сентября на британской национальной конвенции по фэнтези *Fantasycon*, которая проводится ежегодно под эгидой Британского Общества Фэнтези (British Fantasy Society), состоялось вручение наград за достижения в этом

тульджи. Затем в архивах удалось найти сведения о самом Санчесе. Пиноккио родился в 1790 году и был очень маленького роста, почти что карликом. Несмотря на это, в 18 лет парня забрали в солдаты. Прослужив в армии 15 лет, он вернулся домой полным инвалидом. Санчес наверняка бы вскоре умер, но судьба свела его с гениальным врачом Бестульджи, которого считали всемогущим волшебником, продавшим душу дьяволу. Во всяком случае, он сделал бедняге Пиноккио необычайно

(«Знак лукавого»). Ценители юмористической фэнтези смогут насладиться шуточками новых романов Валентина Леженды («Повесть былинных лет»), Андрея Чернецова и Владимира Лещенко («Чародей фараона») и Александра Рудазова («Три глаза и шесть рук»). Занявшая уже заметное место в сердцах читателей серия «Магия фэнтези» пополнится книгами Елены Бычковой и Натальи Турчаниновой «Защитники света». Лиины Тимофеевой «Ожерелье Онэли», Сергея Шведова «Ша-

ОСТАННЄ попередження

Зустрічайте нові

ШОСТИЙ КИЇВСЬКИЙ МІЖНАРОДНИЙ
КНИЖКОВИЙ ЯРМАРОК

 METEOR
EXPOCENTER

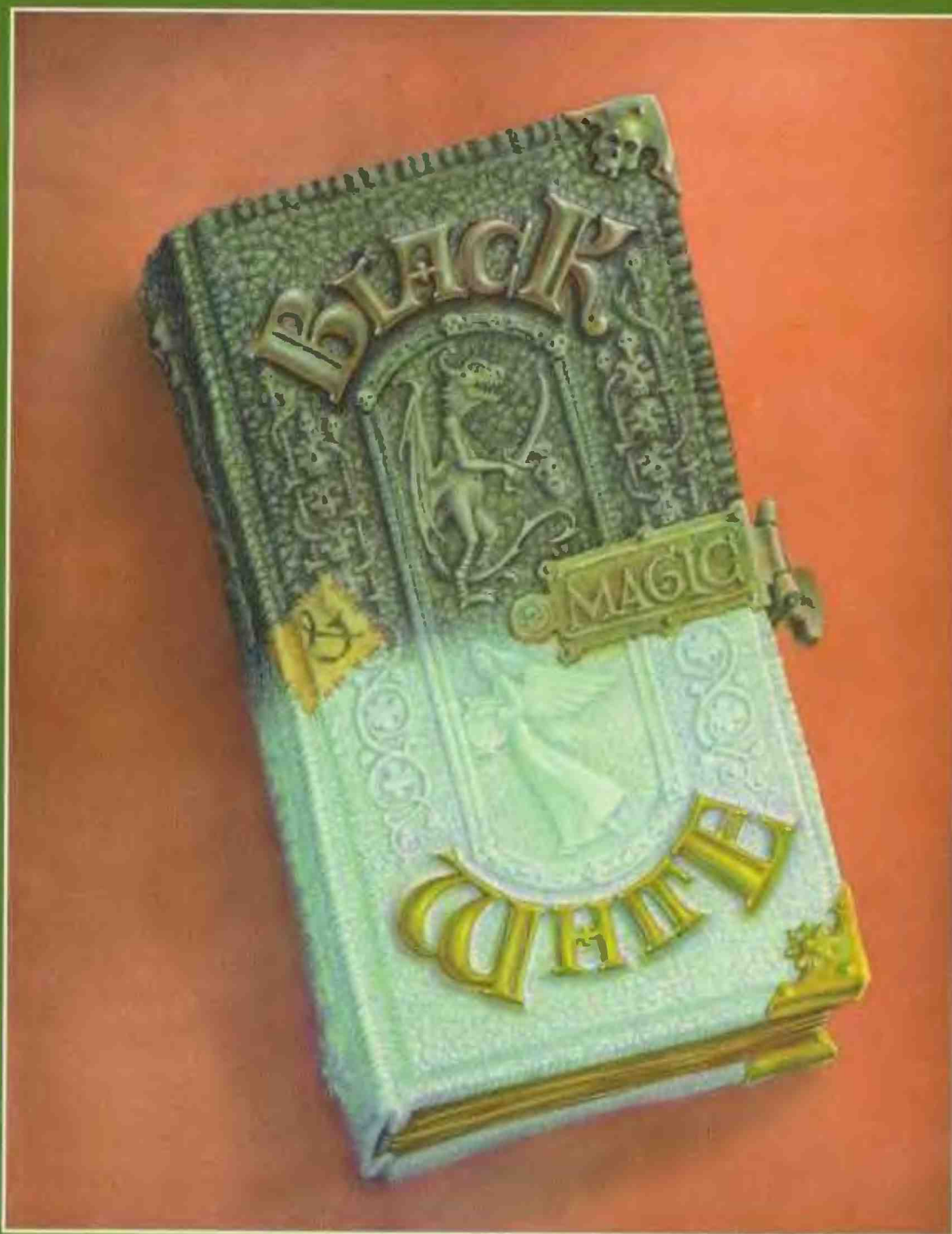
10-12
ЛИСТОПАД

ОН ЧИТАЕТ

**реальность
фантастики**

ЛУЧШИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЕВРОПЫ 2004

Денис Мартынец
Черно-белая магия

реальность фантастики

литературный журнал

Подписной индекс 08219